

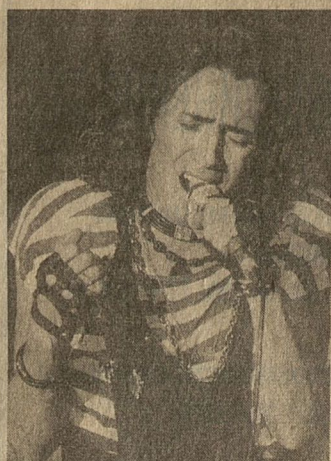
РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДОЙ

Хотелось сделать... радостный спектакль

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДОЙ

моск. правда - 1993
Валерий ЛЕОНТЬЕВ: —

Хотелось сделать... радостный спектакль

Недавно за кулисами кино концертного зала «Россия» встретил Ивана Александровича Брюханова, знаменитого в цирковом мире мастера иллюзионных трюков, работавшего еще с великим Эмилем Теодоровичем Кио.

— Иван Александрович, совершенно случайно узнал, что вы для Валерия Леонтьева делаете иллюзию?

— Делаю, делаю...

— А помните, вы мне объясняли, что главное в иллюзии —

ОКОНЧАНИЕ НА 5-й СТР.

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

сам ее извечный принцип: исчезло — появилось? Неужели у вас Леонтьев исчезнет?

— Исчезнет. И появится.

Посетовав на то, что комбинаты-изготовители позакрывались, а у «России» нет мастерских, как в любом порядочном театре, и очень затруднительно сделать как следует меч, который пронзит Леонтьева насквозь и исчезнет, что Леонтьев иллюзией никогда раньше не занимался, — «дядя Ваня» натурально исчезает, а вместо него появляются танцовщики и танцовщицы. Распаренные, раскрасневшиеся, они коротают перерыв в репетиции, сидя на полеречных и продольных шпагатах прямо на полу рекреации, а в дверной проем виден репетиционный зал, где возле зеркальной стены стоит «звезда» в одном рукаве и в одной штанине: идет примерка. Когда эти строки попадут к читателю, премьера новой программы Валерия Леонтьева — «Полнолуние» — уже состоится в «России».

— Валерий Яковлевич...

— А вы меня без Яковлевича. Записали, понимаешь, в патриархи...

— Тогда такой вопрос. Одно время вы упорно отказывались отвечать на вопросы о возрасте. А не кажется ли вам, что настал момент, когда возраст следует даже афишировать?

— Я давно записан в этой... как ее... толстая такая книга... Большой советской энциклопедии, и скрывать что-либо бессмысленно. Особенно в 44 года. Другое дело — обсуждать возраст: вот это, по-моему, неплохо. «Как вы кричите в этом возрасте, не тяжело ли вам прыгать?» — раз я все это делаю, значит, могу, чего же об этом говорить?

— Прыгаете вы и вправду энергично. И всегда любите подчеркивать, что за высоким темпом вашей жизни и работы зритель часто не поспевает. Каким предстает Леонтьев в новой программе?

— Наше шоу — «мистико-романтическое». Музыка там разнообразная, одно только можно

сказать твердо: какие-либо социальные, политические мотивы там отсутствуют. Этого и так хватает в средствах массовой информации, и моя задача как раз в том, чтобы люди пришли вечером и забыли о том ужасе, который их окружает с шести часов утра до двенадцати ночи. Ведь стоит только включить телевизор или радио — и как будто бес сорвался с цепи: тебе тут же расскажут, где что горит, где идет война, кто кого сверг и переназначил. Вот мне бы и хотелось, чтобы люди еще хотя бы часа два после моего шоу не помнили, где они живут.

— Получается, если б ужасы действительности исчезли, вы бы по контрасту ввели в песни социальные мотивы?

— Возможно. Я двигаюсь в том, что делаю, большей частью интуитивно. Сейчас стараюсь отстраниться от того, что происходит вокруг, и прихожу как раз к развлечению.

— Но ваше шоу тем не менее имеет прямое отношение к социальным проблемам. Оно ведь организовано международной ассоциацией «Доброе сердце», которая осуществляет программу помощи детям-диабетикам. Благотворительность — что это такое для вас? Сколько здесь «моды» и сколько — «взвешивания души»?

— Ну, если это мода, то я всегда был модным. За те двадцать лет, что я на профессиональной сцене, я дал бесчисленное количество благотворительных концертов. Хотя афиши из этого как раз предпочитаю не делать. В свое время, когда были акции в пользу жертв чудовищного армянского землетрясения, чернобыльской катастрофы, я делал это потихоньку: директор мой шел на почту и перечислял деньги. И мне никогда не казалось, что, спев песенку по телевизору, надо тут же объявлять, что это в чью-то пользу. Будем надеяться, что общество и книги, которые я читал, и фильмы, которые я смотрел, воспитали во мне достаточную гуманности, чтобы просто знать: если я сегодня хорошо покушал, это не значит, что так же и у всех. Потом с «Добрым

сердцем» у меня уже давний контакт. 1 января мы проводили подобную акцию в «России». А руководитель ассоциации Алексей Гарнизов — автор песен, написанных специально для моего нового шоу, — его режиссер-постановщик.

Вообще я последний раз работал сольную программу в «России» около двух лет назад, и теперь хотелось сделать действительно серьезное шоу — то есть богатый, красивый, радостный спектакль, где зритель удивлялся бы и ахал: он ведь у нас и прежде, и сейчас обделен этим — броской визуальной выразительностью. Я пытался сделать что-то подобное уже в конце 70-х — начале 80-х, но тогда не только зритель, но сам жанр был не готов. Некому было ни придумывать, ни воплощать фантазии, а декорации делались так: вот собрали в «России» то, что есть в наличии: там занавесочку повесили, здесь кубик поставили — соорудили. Отработали программу, разобрали, переехали на другую площадку. И там пытаемся сделать что-то подобное из имеющегося в запасниках. А здесь под оформлением будет шесть трайлеров, и далеко не на любой площадке их груз сможет разместиться. У нас запланированы гастроли в «больших залах, способных принять программу, — в Питере, в Киеве, — и я не знаю аналогов в нашем шоу-бизнесе, чтобы такое шоу перевозилось: со звуком, со светом, с полусотней людей, включая тех, кто обеспечивает иллюзионные трюки, компьютерную графику, и балетный ансамбль «Тодес» из Риги под руководством Аллы Духовой. Кстати сказать, эти артисты — не просто группа, которая сзидает «чего-то подтанцовывает», а полноценные участники представления, с которыми я одиннадцать номеров работаю синхронно. Впервые в жизни я стараюсь это делать, что очень трудно, но страшно меня заводит.

— Таким образом Леонтьев, как всегда, стремится быть первым — сделать то и так, чего и как еще никто не делал. А у вас не возникает ощущения, что вы вышли из «моды»? Вот и по телевизору вас теперь гораздо реже показывают. По-прежнему не покупаете эфир?

— Не покупаю. И потом, не считаю, что это хорошо — утром, в обед и вечером торчать по телевизору.

— Тем не менее раньше «торчали».

— Торчал, но не оттого, что диктовал такое положение. Разные редакции ставили — вот я и оказывался в эфире по три и по четыре раза. Напоминать о себе надо регулярно, но мне хотелось бы делать это большими, серьезными программами, как было с 35-минутным моим эфиром с фестиваля «Гардемарини эстрады» в Сочи, а не мелькать из передачи в передаче, исполняя по песенке.

— И все-таки по сравнению с тем, что было лет семь-восемь назад, когда ваше имя постоянно находилось в эпицентре нескончаемого скандального внимания, теперь о вас, можно сказать, «ничего не слышно». Неужели вас оставили в покое знаменитые поклонники, ночи напролет дежурившие под вашими окнами и дверьми?

— Нет, поклонники-то как были любопытны, так и остались. Но атмосфера скандала создавалась как раз не ими, а разной околосценической братией и журналистами. А теперь... по привычке, очевидно: что же еще можно придумать? И кроме того, сейчас время такое, что всякие артистические эскапады не ко двору: людям интереснее, кто будет завтра президентом и что это им принесет. Чем благополучнее страна, чем стабильнее, прочнее в ней жизненный уклад, тем большее внимание люди уделяют богемной, артистической прослойке, тем больше их занимают слухи и сплетни о «звездах». А чем неустойчивее жизнь, чем она короче — тем меньше о них говорят, это естественно.

— Да, скандалы политиков вам никогда не переплутать. Не боитесь конкуренции?

— Конечно, не переплутать. Но я уповаю на то, что уже пережил нескольких президентов. Их нет, а я все еще есть. Даст Бог, еще несколько при мне сменится. Лишь бы улущались.

М. СМОЛЯНИЦКИЙ.

Леонтьев Валерий

4.11.93